

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

New York
Public Library
5th Ave. & 42 St.
New York 18, N.Y.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th St., New York 19, N. Y. Tel. CO. 5 - 5500

„Вий” Гоголя

Критики называют Гоголя реалистом. Однако, это едва ли верно. В самом характере Гоголя присутствовала двойственность, в конце концов сведшая его в могилу. Двойственность эта все время наблюдается и в его творениях.

Юморист — меланхолик!.. Странное соединение... Но дело в том, что Гоголь с молодых лет страдал припадками мрачного отчаяния, которые к концу его жизни приняли форму ненормальности. Припадки уныния переходили в страх, рождавший ужасные, совсем не реалистические, а фанатические образы. Вспомним «Страшную месть», «Ночь под Ивана Купала», частично «Майскую ночь» и особенно «Портрет» и «Вий».

Юмор Гоголя покорял всех, критика признавала его достоинство, но образы фантастические и страшные не особенно притягивали к себе. Шевырев писал по поводу вышедшего из печати «Вия»: «...ужасное не может быть подробно, призраком тогда страшен, когда в нем есть какая-то неопределенность», а иначе — «не будет ничего страшного, и ужасное переходит просто в уродливое».

Белинский соглашался с этим мнением, хотя не до конца. Сцену в церкви, чтение Хомой псалтыри и восстание мертвой ведьмы, а также появление Вия, Белинский признавал картинами «бесподобными». Высоко ставил он и реалистическую часть повести, по заслугам оценивал проникающий ее юмор. Но «целостности» в повести он не видел. Даже после того, как повесть была переделана, заключение Белинского осталось прежним: «...но целого попрежнему нет».

«Вий» действительно был создан из двух совершенно различных половинок, которые были связаны в повести искусственно. Одна часть была взята из жизни, а ней все брызжет юмором, веселость ее ясна и неподдельна. Часть вторая — это подлинная народная фантазия, темное и страшное суеверие.

В. Г. Короленко мог бы понять один из немногих понятий «Вия», как символ творчества Гоголя, его душевного конфликта,

«Вий» был Гоголем написан в период 1833-34 года. В это время, по крайней мере для самого писателя, ясно обозначилось развитие болезни, которую доктор Баженов в 1902 году определил как «двиресивный невроз». Болезнь эту Гоголь унаследовал от отца.

Короленко творчество Гоголя напоминало «ночные бдения Хомы Брута в закованной часовне». Хома заключил себя в магический круг, темноту пытался разогнать зажженными свечами, вперил глаза в святую книгу, боясь отвести от нее внимание и взглянуть кругом, чувствуя в окружающем свою гибель. А вокруг плясали дикие чудища, нечестивцы. Сама мертвая красавица оказалась ведьмой. Поднять глаза на действительность значило увидеть лицом к лицу ужасного Вия, указывающего на прячущегося железным пальцем. Бурсак Хома Брут не выдержал, взглянул... и погиб. Не выдержал и Гоголь, тоже отвел глаза от святой книги и увидел то, чего не хотел видеть. Взглянул... и погиб!

Реалистическая часть повести с ее юмором была взята из жизни. Часть фантастическую, действительно искусственно присоединенную к рассказу об участии Хомы Брута, Гоголь взял целиком из народных сказок.

Еще в 1829 году Гоголь писал матери: «...Вы много знаете обычаев и нравов малороссиян наших, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщить мне их в нашей переписке... еще несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках. Если есть кроме того какие нибудь духи или домовые, то о них подробнее с их названиями и делами. Множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий».

Мы не знаем точно, что именно сообщила ему мать, но отголосок «страшных» преданий встречаем мы и в «Майской ночи». В народной же сказке «Отец и дочь» мы читаем о том, как отец заставил дочь «совершить с ним грех», а потом убил ее. Тема частично использована Гоголем в «Страшной мести». Что же касается «Вия», то вся фантастическая часть повести взя-

та почти в точности из двух народных сказок, записанных в сборнике народных сказок Афанасьева.

В одной сказке бурсака Хомы Брута играет молодой попович, который случайно через окно выдел, как королева-ведьма сняла с себя голову и причесывала ей волосы. После этого королева вдруг расхворалась и велела отцу: «Если я помру, то заставьте поповского сына три ночи сряду надо мною псалтырь читать». Королева умерла, добрая старушка — ведунья дала поповичу ножик и научила его очертить им круг: «...когда придешь в церковь, очертят около себя круг, читай псалтырь, да назад не оглядывайся. Что бы там ни было, какие бы страсти не представлялись — знай свое, читай да читай! А если назад оглянешься — совсем пропадешь». Дальше, — все три ночи встает из гроба красавица. Она — «...стала на поповича бросаться, да никак через круг перейти не может. Тут начала она напускать разные страсти». На третью ночь: «пробило полночь, гробовая крышка на пол упала, королева встала и начала летать по всем сторонам, да грозить поповичу». Каждый раз чтеца спасал крик петуха. Наконец, говорит сказка, отец сам узнал, что дочь — ведьма. Ее похоронили, вбив в грудь ей осиновый кол.

В другой народной сказке дело, как и в «Вии», происходит близ Киева. Солдат шел в отпуск и встретил купеческую дочь — ведьму, которая по ночам «уже не одного молодца до смерти заездила». К счастью добрый старик научил солдата, как самому вскопичить на ведьму. Солдат это исполнил и во время ночной скачки убил ведьму поленом. Затем повторяется та же необходимость читать над ведьмой лежащей в гробу, псалтырь. Солдат каждый раз причется. Крышка слетает с гроба, но ведьма не может найти солдата. Тогда она начинает звать на помощь. «...набежало к ней нечистых видимо невидимо», но крик петуха опять спас солдата. На третью ночь солдат влез на столб и там спрятался. Но явился «через порог самый старый черт», который указал на солдата. Нечи-

стые разложили под столбом огонь от огарка, который «не благославясь зажжен был», но крик петуха опять избавил солдата от гибели. Даже когда он, по приказанию купца, ночью вез гроб на кладбище, «хлопнули железные обручи на гроб», но настало утро и солдат благополучно зарыл ведьму.

В этих двух сказках нетрудно узнать все элементы, вошедшие в фантастическую часть «Вия»: здесь и ведьма, которая ездит на человеке, ее оседлывают в свою очередь и убивают поленом, как Хома убил панночку. Ведьма оставляет свое завещание три ночи читать над ней псалтырь, встает из гроба, но не может переступить через очерченный круг. Является летающая ведьма, как в «Вии» летающий гроб. Пень петуха спасает в обоих случаях чтеца от нечисти. В сказке о солдате на гробе лопаются железные обручи, а в «Вии» «с треском лопнула железная крышка гроба». Ведьма творит заклинания и зовет на помощь. В сказке на солдата указывает «старый черт», а у Гоголя «Вий». Однако сказка кончается благополучно, а Хома Брут погибает.

Не приходится сомневаться, что именно эти народные сказки послужили темой для фантастической части «Вия», но мелкие страшные подробности, жуть наводящие на читателя, добавлены были воображением самого Гоголя. Этот сверхъестественный элемент присоединен к повести искусственно, но для психики самого Гоголя это было совершенно естественно, так как в нем уже постепенно развивалась мания страха, ощущения греха и предчувствия наказания за него. Он упорно смотрел в священную книгу, пытаясь в религии найти спасение. Все это вместе привело Гоголя к смерти от полного физического истощения.

«Ужасное», сделавшись с «подробным» и выявившись в реальной жизни, оказывалось просто «уродливым». Петух рассвета не зашел во время. Ужасное слилось с уродливым и убило гения.

Е. Грот